

1912

Дина Гаткевич

ПЕЛАТОН

The Parish Beadles

(Comments a Century Hence)

"Методист"

"Ученик"

"Вундеркинд"

МОСКВА

2000

"Методист"

*Самое первое правило
жизненного успеха
гласит:
"Всегда следует быть
приметно-незаметным."
В чём состоит
второе правило,
никто до сих пор
не обнаружил.*

"Витя был. . ."

Впрочем, почему был? Просто, я написала его имя и задумалась, подбирая сравнение, а рука сама вынесла—вывела ему приговор.

"А был ли Витя?" — это, конечно, тоже вопрос. А если был, то как следует назвать моё слово о нём: "Репетилов", "Молчалин", "Хлестаков"?

Мне довелось довольно часто общаться с ним и лично, и по телефону. Говорят, что первое впечатление самое верное. Если это так (бывает, конечно, что потом оно резко и надолго меняется,

но редко, практически никогда; в конце концов, всё возвращается на круги своя), то такой пустой и бессодержательной речи ни до, ни после я не слышала. Рассказывали, что он специально обучался ораторскому искусству. По самоучителю. Поднаторел. Стал шлифовать своё мастерство. Для этого взял немало частных уроков. Ничего не могу сказать — формой он овладел. Его часто можно было увидеть на трибуне (он всегда участвовал в прениях). Говорил он обычно недолго. Кратко. Продуманно. Веско. Но никто никогда не мог повторить, что он сказал. Смысл, если он там был, под формой совершенно исчезал и от слушателей ускользал. Но делал он это методично, раз за разом, и всех приучил. К нему привыкли. Внимательно слушали. Начали считать, что от него что-то может зависеть. Его часто можно было встретить и в Парткоме, и в Деканате, и в Ректорате. В разное время он был и секретарём Парткома, и заведующим аспирантуры, и заместителем заведующего Отделения математики. Входил в кадровую комиссию Парткома Университета: был там главным экспертом. Но однажды с ним случился прокол. Срезали. Сделала это женщина. Я не помню кто, но такое могла сказать и сестра заслуженного АртГена, открывшего в отставке

новую лабораторию в Университете, и легендарная фронтовичка, написавшая Сталину сразу после взятия Берлина, что хочет продолжить обучение на Факультете. Выслушав очередное выступление Цицерона на Парткоме в узком кругу, она взяла да и ляпнула: "Что это Вы," — назвала его по имени-отчеству — "всегда ерунду говорите?" Витя от неожиданности растерялся. Но виду не подал. У присутствующих сложилось впечатление — думает, анализирует свою речь. И невпопад ответил: "Действительно, что это я..." — осёкся, больше ничего не добавил и сел.

Он имел средний рост, плотное телосложение. Его имидж (тогда ему не придавали никакого значения) был продуман до мелочей. Всегда в костюме. Подтянут, опрятен, побрит, подстрижен. Даже не сдающийся непокорный хохолок тщательно уложен. У него было правильное, холёное, дородное лицо. Такие лица можно увидеть в правдивых фильмах у кулаков-мироедов и в кабинетах первых секретарей обкомов. С таким видом его карьера там была бы обеспечена. Что его и как занесло в математику, ума не приложу.

Ни на кого на факультете он не был похож. Защитил кандидатскую в 64-м, для алгебраиста, даже, по меркам того времени — поздно, в 29

лет. Но где-то в то же время организовал свой научный семинар совместно с Великим Джоном и выраставшим из коротких штанишек Вундеркиндом. В 66-м на Конгрессе в Москве совершенно задолбал своими вопросами Большого Японца, и тот долго потом вспоминал, что у него в Москве остался хороший друг, и постоянно передавал ему приветы. Он стал доцентом. Все конкуренты по Факультету собрались и отправились за романтикой и легкой наживой за хребет в НаучноГор. Он всё взвесил, продумал, подсчитал. Кроме него никого не осталось. С тринадцатого этажа на Воробьёво-Ленинских горах его научные перспективы и будущие педагогическая и общественная карьеры смотрелись просто отлично. Шёл 1968-й год и над Москвой было безоблачное небо.

"Ученик"

*Я обещаю быть объективной.
Но беспристрастной — никогда!*

Сознательно или нет, но Лёшка и в мелочах стремился походить на своего учителя. Но всё это было не то, как "на корове седло". Даже, когда он надевал свои чёрные и серые костюмы и в изысканной оправе очки, за версту было видно, что он из деревни. И никакие его усилия ничего здесь изменить не могли.

В Институте он оказался, где-то, сразу после смерти Вождя. Контору с самого верху начали трясти и перетряхивать. И там, где он учился, ему не нашлось места в аспирантуре. Как он попал к Аполлону, не знаю. Однако публикации в Журнале с пятидесяти четвёртого по пятьдесят девятый годы свидетельствуют, что этот союз оказался очень удачным. (Впрочем, Лёшка всегда был баловнем судьбы — там, где другим доставалась только дырка, ему перепадал не только бублик, но и всё, что только можно впридачу.) За этот цикл работ в рецензируемой печати,

содержащих решение известной проблемы, ему присудили государственную премию. То ли — в 60-м, то ли — в 61-м году. В тридцать два года он стал уже доктором и старшим научным сотрудником Института, превратился из ученика в лауреата. Здесь за эти пять лет сложились новые связи, которые оченьгодились ему в дальнейшем.

Легенда гласит, что тогда он первый раз попробовал свои силы на педагогическом поприще и во время очередной лекции сделал на доске описку, а когда заметил её, то выразил своё изумление перед огромным скоплением студентов Факультета ненормативным образом. Об этом моментально стало известно в Деканате и его отстранили от занятий. (Впрочем, по другой версии он явился в тот день в аудиторию натошак и просто-напросто потерял сознание. Кто-то говорил, что с ним тогда случился инфаркт, недруги утверждают — запой, но абсолютно точно известно, что тогда ему пришлось некоторое время лечиться. И это не прошло без последствий. Он стал мягкотел. В трудные – решительные моменты мог пойти на попятный. В сложном разговоре предпочитал уступить, а не идти на обострение. Те, кто знал об этом, вертели в дальнейшем им как хотели. Как правило, это была жена. Но до принятия ею окончательного решения

очередная идея–интрига проходила целую иерархию ближайших подсказчиков и советчиков.)

Последующие восемь лет ничто не омрачало его существования, но пронеслись они серо и буднично. Нешатко–невалко и безуспешно он составлял классификацию и занимался поисками новых конечных простых лиевых алгебр. Все эти годы он шибал трёшки в Реферативном Журнале, где близко (на "ты") сошёлся с Методистом, возглавлявшим там Уголок под названием Алгебра и выписывавшим "серебрянники" всем под ним реферирующим, в первую очередь, ближайшему кругу. Ещё во время своего обучения до аспирантуры Ученик по выпавшему на его долю заданию досконально выучил теорию конечных групп и на "гражданке" курировал исконно конторо–американскую тематику — ПККПГ (Проблему Классификации Конечных Простых Групп), и заслуженно считался в ней главным экспертом в стране. Как тогда в таких случаях полагалось в Институте, он переписывался с самым знаменитым в этой области специалистом за рубежом, встречался с ним на Международных математических конгрессах и конференциях, ездил по его приглашению в США и принимал его здесь, как гостя Института. В общем, как он сам говорил,

в сорок лет ему казалось, что жизнь уже закончена.

Но тут в неё вмешались (тут я не стала бы валить всё только на моего знакомого) целых три обстоятельства: Аполлон, Гарри и Смерть. Каждое — было верно себе. Первое — глядя на "сизифов труд" своего ученика — решило внести в него некоторую упорядоченность, обратив его внимание на то, что, во-первых, камни вовсе необязательно катать только вверх, и надо, во-вторых, поучиться тому, как это следует делать у Француза-Геометра. Необходимо отдать должное Аполлону — он не ограничился общими указаниями, а наглядно объяснил, почему бесконечность во французских работах начала века может быть реализована столь милым сердцу Ученика произвольным простым числом "пэ". Второе — организовало на горизонте небольшое, выглядящее вполне безобидно, чёрное облачко, пришедшее в виде письма с японских островов от одного тамошнего эксперта, пожелавшего признаться, несмотря на международное мнение математической общественности, в том, что он не понимает одно коротенькое место из последней публикации Ученика, принесшей тому мировую славу. Ну, а третье обстоятельство, занимаясь своими каждодневными хлопотами,

освободило место заведующего Кафедры на Факультете. И все эти три направляющие, постоянно меняясь местами, неумолимо закрутили, завертели последующую жизнь Ученика–Лауреата и тех, кто попал в его–её круговорот. Из неординарного старшего научного сотрудника неординарного Института он последовательно превратился в исполняющего обязанности (71–й), заведующего (72–й), профессора (74–й) Кафедры; декана Факультета (76–й), член–корра Академии (77–й), обойдя на карьерной лестнице своего учителя.¹ Ученик попытался рвануть по ней дальше вверх. Но тут безобидное облачко налилось мощью и превратилось в грозовую тучу, и, когда Факультет выдвинул новоиспечённого член–корра в академики, сверкнула первая молния — на предварительном заседании "Патриарх" вытащил дело Ученика и, ни с кем не советуясь, демонстративно отложил его в сторону, молвив: "Рано!" Поговаривали, что в кулуарах он выразился

¹ Аполлоновы добрые дела и советы без наказания не остались. В эти годы у него отобрали полставки на Факультете. Более того, в какой–то момент ему запретили там, вообще, появляться. Об этом протрубили в эфире все "голоса". Но в Институте справедливость ещё торжествовала — "Патриарх" стоял за него стеной.

и вовсе недвусмысленно: "За работу с дыркой он всё уже получил!". Громы и молнии, перемежаемые поучительными историями Методиста из истории предыдущих заведующих Кафедрой, могли свести с ума кого угодно. В воздухе пахло грозой. В таких условиях попытки заделать пробоину ни к чему хорошему не приводили. Она разрасталась. Бублик истончал, скукожился и превратился в сушку. Вот, с нею всё было в полном порядке. Это заслуга Таланта — он повсюду бегал, всем доказывал, её показывал и о ней рассказывал, всех в этом убедил. Но сушка никого больше не интересовала. И не устраивала. Начали перечитывать другие работы Лауреата и поговаривать, что и там имеются солидные прорехи. Стало совсем темно и начался потоп. Ученика за день до начала московской Олимпиады сняли с деканов и он ещё лет десять совмещал на Кафедре атаку на Классификацию с поиском новых путей для ликвидации Лакуны. Сейчас, когда держишь в руках его монографию о Калаче, где капитальный её ремонт занимает половину объёма книги, и сравниваешь всё это с одним журнальным листком, на котором его же аспирант указал истинные размеры несчастья, аккуратно заштопав дырочку так, что, даже, я понимаю, в чём там было дело, можно только диву

даваться бушевавшим в восьмидесятые из-за этого страстям.

По прошествии двух десятилетий становится ясно, что девятый вал обычно гонит ближайшее окружение — друзья и коллеги, так сказать. Расследование дела Фёдора и его подельников раскрывает саму технологию. Педагог подбирает и ставит своему воспитаннику задачу, указывая, какую литературу в этом направлении желательно почитать, и, тем самым, сажает молодого честолюбивого, но не окрепшего щенка на хвост старой и опытной борзой. Риска — никакого, а охотники поработать на подхвате и порадоваться "успеху, силе и мощи" сразу не сожранной моськи из молодого поколения всегда найдутся. Пример Лопуха показал, что есть единственный честный способ с этим бороться: нужно не тащить на себе всю эту свору, ничего своего нового в печать не сдавать и - никому не показывать и не рассказывать, а работать в стол, ждать и ловить, ловить, ловить и ловить момент, когда все они потеряют бдительность и появится шанс уйти в отрыв. Все остальные попытки ведут либо в кабалу, либо к валу. И ещё раз оказался прав Лопух, когда в шестьдесят девятом, обнаружив первым просмотр у Лауреата, не стал придавать этому никакого

значения, вынеся свой вердикт: такая статья — это подарок богов, — и навсегда отошёл в сторону, не обращая внимания на чужие наущения и последующие крики: "Ату его! Ату!" Гарри тогда ещё одобрительно добавил, что в по-настоящему больших, судьбоносных работах подобные пробелы ликвидируются, как правило, сами собой и так же просто, как и возникают, и никто не имеет право в чём-либо упрекать их авторов, так как их главная задача расставить в них правильно акценты-флажки-указатели для тех, кто придёт/забредёт на это место позже.

Думаю — не случайно в конце девяностых годов пути Лауреата и Лопуха сблизились настолько, что они лет пять вели совместно научный семинар и еженедельно под неусыпным оком Таланта, третьего соруководителя, встречались на нём в шесть часов вечера по средам. Присматривались друг к другу на новом этапе. Прикидывали в уме дальнейший возможный ход событий. Позади остались вопросы, кто провёл Лопуха через горный хребет под названием Защита Докторской Диссертации, организовав ему публикацию всех его работ, сделанных в стол в 74–78-х годах, и как, вообще, он уцелел на подходах к ней

с восьмидесятого по восемьдесят пятый годы.² Повестка дня была теперь другой. И Лауреат, самый опытный из всех, никому уже не доверяя, глядя не на Лопуха, а далеко вперёд, ощутил, нет, не направление движения, а сам его ход и сразу понял то, что, конечно же, знал всегда, но уловил–поймал–сформулировал для себя только сегодня: *туда, не зная куда, дойти может только один.*

Приближался шестидесятилетний юбилей Ученика и он неожиданно для многих, в том числе и самого Лопуха, пригласил того на свой банкет. На нём — все присутствовавшие помнят это до сих пор — Питиримыч произнёс самую льстивую из всех сказанных в тот вечер речей. (Теперь я знаю, что это было не так; идя туда он знал, что тамадой там, как всегда, будет Методист и тот не

²Многие потрудились тут на славу в разных направлениях и при любом раскладе могли поставить любой её исход в заслугу себе. И Декан. И Куратор. И Лауреат. И Методист. И Мудрец. И Вундеркинд. И каждый, точно зная, что он сделал и что могли сделать другие, глядя на результаты голосования, не верил своим глазам. У Федора, например, имевшего до этого более, чем зловещий вид, при их оглашении отвалилась нижняя челюсть и он (подобного он не слышал на Факультете уже более пятнадцати лет), ничего не видя, потеряв контроль над собой, с треском и шумом поднявшись, покинул зал. Опыт подсказывал всем им, что за этой защитой стояли кто-то и что-то ещё.

упустит случая заставить каждого высказаться. Как назло ничего путного заранее в голову не пришло и Лопух поступил так, как советовали классики: послушал предыдущие тосты и после выступлений Атланта и Великого Джона сюжет был готов. И он искренне, бросив ретроспективно взгляд из 1989-го года назад в своё прошлое, просто сказал, что

а) когда он выбрал своего научного руководителя в 1968-м году и первый раз на третьем курсе осенью появился на его научном семинаре, где Атлант докладывал горячий, только что испечённый результат, до него дошло, что и как надо делать,

б) когда прочитал впервые ту самую работу Великого Джона, ему стало ясно к чему следует стремиться и кому надо подражать,

в) а когда добрался до конца в знаменитой работе юбиляра понял, что он так не умеет и никогда не сможет,

и наивно пожелал тому так вести дела Кафедры, чтобы и каждый её член навсегда усвоил эту незамысловатую истину.) Разумеется, в тосте при желании можно было обнаружить и второе дно. Но большинство не обратило внимания на такую возможность. Жена виновника торжества встала, своими руками взяла огромное блюдо с мясом и

жареной картошкой, подошла к тостирующему и положила ему лучшие куски.

Через полгода, когда на этот раз уже не боровский, а квантово-механический электрон усилиями Лопуха на научной конференции в Казани улёгся перед тем как начать излучать туда, куда ему давным-давно было указано, на ядро атома водорода, Лауреат предложил Питиримычу перейти на Кафедру. Лопух отказался.

Расстались они двадцатого марта тысяча девятьсот девяносто первого года. Ничего предварительно не обсуждая. На будущее — не договариваясь. Не сомневаюсь — они понимали уже друг друга без слов и в тот момент каждый из них знал стоящую перед другим задачу.